

является в разных сказаниях? Ответ и конкретные примеры мотивируйте.

12. Чем сказания ПВЛ обнаруживают сходство с «Поучением» князя Владимира Мономаха, со «Словом о полку Игореве», с «Повестью о Петре и Февронии Муромских»? Поясните сходство конкретных образов, тем, мотивов. Ответы мотивируйте. Покажите роль и значение «Повести временных лет» для последующего развития древнерусской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литература. Учебная хрестоматия для 6 класса средней школы. Автор-составитель В. П. Полухина. М.: Просвещение, 1995. С. 33-35. Тексты также цитируются по изданиям: Литература. Учебник-хрестоматия для 7 класса средней школы. Автор-составитель В. Я. Коровина. М.: Просвещение, 1993; Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. Сост. Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев. М., 1978.
2. Древнерусская литература. Книга для чтения. 5-9 классы. Сост. Е. Рогачевская. М.: Школа-Пресс, 1993. С. 9.
3. Лихачев Д. С. Великий путь. Становление русской литературы XI-XVII веков М.: Современник, 1987. С. 55; Комарович В. Л. Культ рода и Земли в княжеской среде XI-XIII вв. // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом). Т. XVI. М.-Л., 1960. С. 84-104.
4. Смирнов С. Исповедь земле // Смирнов С. Древнерусский духовник. М., 1913; Приложение 2. С. 255-283; Лихачев Д. С. Земля родная. М.: Просвещение, 1983.
5. Кизилов Ю. А. Историческое мировоззрение авторов «Повести временных лет» // «Вопросы истории». 1978. № 10. С. 61-78.
6. Шахматов А. А. «Повесть временных лет» (три редакции) // Древнерусская литература в исследованиях. Хрестоматия. Сост. В. В. Кусков. М.: Высшая школа, 1986. С. 134-161; Приселков М. Д. История русского летописания XI-XV вв. С-Пб., 1996. С. 78-79.
7. См. Орлов А. С. Владимир Мономах М.-Л., 1946; Филипповский Г. Ю. Работа с текстом «Поучения» Владимира Мономаха в школе // Ярославский педагогический вестник. Научно-методический журнал. 1997. № 4. С. 146-148.
8. См. об этом статьи Х. Бирнбаума и Р. Романчука (С. 576-602), Г. Филипповского (С. 470-474) в юбилейном научном сборнике статей к 90-летию Д. С. Лихачева // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом). Т. 50. С-Пб., 1997.
9. См. Филипповский Г. Ю. Работа над текстом «Слова о полку Игореве» в школе // Ярославский педагогический вестник. Научно-методический журнал. 1996. № 2. С. 79-84.
10. Литература. Учебник-хрестоматия для 7 класса средней школы. Автор-составитель В. Я. Коровина. М.: Просвещение, 1993.
11. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., Л., 1958. Гл. 5. С. 104-106.
12. Термин Ч. Хаскинса. См.: Кристофер Брук. Возрождение XII века // Богословие в культуре средневековья. Киев, 1992. С. 119-226.

Н. В. Кудрявая

Лев Толстой:

искатель истины или
«зеркало русской революции»?

...главнейшая есть наука о том, как жить, делая как можно меньше зла и как можно больше добра.

Лев Толстой

26 октября 1907 года Л.Н. Толстой записал в дневнике: «Странно, что мне приходится молчать с живущими вокруг меня людьми и говорить только с теми далекими по времени и месту, которые будут слышать меня».

Чего же не захотели или не смогли понять современники великого русского писателя? Умирающий, в Астапове, он диктовал дочери: «Бог есть то неограниченное все, чего человек сознает себя ограниченной частью... искать, все время искать». Лев Толстой и на смертном одре верен себе: с помощью понятия *Бог* объяснить суть духовного сознания человека, а жизни — как процесса, пути поиска истины.

Духовное завещание Толстого

Размышления о природе духовной жизни, о связи духовности и нравственности, о духовном развитии, условиях, ему препятствующих или способствующих, в последний период жизни писателя достигли наивысшего напряжения. Он торопился... 31 января 1908 года появляется такая запись: «Я узнал благо и учение жизни на исходе своей и потому сам уже не смогу воспользоваться этим знанием... я обязан передать то, что знаю, людям».

Духовное завещание Толстого — религиозно-нравственное учение — было его ответом на новую социально-психологическую ситуацию в послекрепостнической России. Ее возрождение писатель связывал с духовностью и нравственностью людей. По его мнению, толкование этих понятий искажалось в философии, психологии, педагогике, этике, эстетике, то есть тех науках, которые должны человека ориентировать в жизни, объяснять его способность собственными силами разобратся в проблематике добра и зла...

Понятие духовности — ключевое в христианском учении — по мысли Толстого, оказалось искаженным церковным толкованием, своеобразным отступлением от Нагорной проповеди. Церковники ориентировали человека на благо в загробном мире, снижали его ответственность за проступки догматом о первородном грехе, который искупил Христос.

Человек проходит в жизни через большие испытания, он зачастую беспомощен, сталкиваясь с вопросами существования или противоречивости бытия. Утрата смысла жизни приводит к неврозам, а нередко и к сознательным попыткам ухода из этого мира. Как сделать человека счастливым и что такое счас-

тье? Для Толстого ответы на эти вопросы связаны с осознанием человеком своей природы, ее духовной сущностью, развивать или не развивать которую в его власти.

Ни атеистов, ни большинство религиозных деятелей, высоко оценивавших Толстого-писателя, не устраивало то, что он использовал именно религиозную терминологию при создании учения о жизни человека. Действительно, Толстой использует такие понятия, как Бог, Царство Божие, вера, религия, единство Сына с Отцом.

От толстовщины до «опиума для народа»

Когда на родине Толстого вошло в моду считать религию «опиумом для народа», именно религиозно-нравственное учение великого писателя оказалось под запретом. «Лев Толстой, как зеркало русской революции» заслонил собой Льва Толстого — страстного искателя истины. Его учение не соответствовало марксистско-ленинскому объяснению природы человека, морали, сущности нравственного воспитания. Не здесь ли истинная причина того, что и педагогические сочинения Толстого после 1917 года издавались только четыре раза, да и то с купюрами?

Впрочем, критика религиозно-нравственного учения Толстого прозвучала впервые еще в 70-е годы прошлого века — в работах Н. В. Щелгунова, деятеля революционно-демократического толка, посчитавшего, что взгляды Толстого не соответствуют передовым идейным исканиям эпохи и задачам освободительной борьбы, препятствуют пониманию нравственных задач общества, идеализируют патриархальное крестьянство, отрицают достижения науки, культуры, цивилизации. Особенно резкой была оценка принципов непротivления злу насилием и нравственного совершенствования — как следствия несостоятельности философии Толстого. Большую тревогу внушал Щелгунову тот факт, что эти принципы подхватили либерально-народнические круги, противопоставлявшие их революционной борьбе. Толстой не дошел до понимания социальной детерминации морали, упрекал его Щелгунов, а потому непротivление злу наси-

лием воспитывает у людей покорность обстоятельствам, пассивность, уход от революционных действий.

За нравственным совершенствованием скрывается, по мысли Щелгунова, «самодовлеющая моральная личность», индивидуалистическая теория, препятствующая сплочению людей: вместо «объединения совершается распадение», каждый все глубже закрывается внутри себя, копошится и роется только в своей душе, уделяя внимание исключительно своему моральному Я. Именно Н. В. Щелгунов наиболее красноречиво отразил свойственное революционно-демократическому крылу интеллигенции понимание цели, сущности и результата нравственного воспитания, якобы осуществляемого по схеме усвоения знаний, умений и навыков.

В критике религиозно-нравственного учения Толстого именно Щелгунова можно — в известной степени — считать предтечей В. И. Ленина и Г. В. Плеханова. Но не остались равнодушными к нему и защитники церковного христианства, как в дореволюционный период, так и позднее. Известно, что официальное православие отлучило Толстого от церкви, в его религиозно-нравственном учении был усмотрен отход от христианства и даже более того... Например, К. Н. Леонтьев обвинял Толстого в одностороннем понимании христианской религии, следовании общеевропейскому лжехристианству и такому толкованию, скажем, любви, которое может дойти до... любви к революции.

Конечно, были и другие точки зрения. Так, вопреки позиции Святейшего Синода богослов В. В. Зеньковский особую заслугу Толстого видел в том, что он возвращал людям Христа живого, как образ духовного развития, что среди безверия и богохульства он сохранил религиозное чувство как духовно-нравственный стержень личности. Нельзя не упомянуть и о смелом поступке отца Александра Меня, который много лет спустя, вопреки позиции официальных иерархов русской православной церкви предложил — в предисловии к «Исповеди» Толстого — искать и находить положительное в религиозных, по сути духовных, исканиях писателя.

Сегодня первые симптомы духовного недомогания, к которым Толстой относил лень, апатию, безответственность, агрессивность, перерастают в грозное заболевание с непредсказуемыми последствиями.

Естественно, что многие педагоги ищут выход из подобной ситуации, они обращаются, в частности, к философским и педагогическим сочинениям Толстого, часть которых опубликована в самое последнее время: «О жизни», «Так что же нам делать?», «Исповедь», «В чем моя вера?», «Что такое религия и в чем сущность ее?», «Религия и нравственность», «Путь жизни», «Беседы с детьми по нравственным вопросам» и т. д.

Перечитаем Толстого

Современная гуманистическая мысль все чаще обращается к религиозно-нравственному учению Толстого. Теория «осмысленного учения» или «учения, центрального учения», связанная с известным американским психологом и педагогом К. Роджерсом, корнями уходит в опыт яснополянской школы, когда Толстой дерзнул, по его словам, «...нарушить спокойствие педагогов-теоретиков и высказать столь противные всему свету убеждения».

Жизнь подталкивает к новому прочтению сочинений Толстого, в которых он решал проблему духовно-нравственного развития человека. При этом просматривается несколько уровней решения проблемы, одинаково важных для профессионального сознания педагогов.

Первый уровень — методологический, раскрывающий понимание Толстым природы человека.

Второй уровень — общетеоретический для наук о человеке. Например, для педагогической науки — это стратегия определения целей, задач, условий, методов, результатов обучения и воспитания. Тезис педагогики Толстого «опыт и свобода» раскрывается в статьях, опубликованных в журнале «Ясная Поляна» (1862), как альтернатива традиционному подходу.

И, наконец, третий уровень — методический, описанный в «Дневнике яснополянской школы» (1862).

Практическая педагогическая работа так увлекла Толстого, что он назвал период 1859-1862 годы периодом «трехлетнего страстного увлечения» поэтически прелестным делом, а в преклонном возрасте (1908) всю экспериментировал на введенных им уроках морали.

Первый — методологический — уровень содержал критическую оценку современной ему науки, культуры, искусства, ложно ориентировавших, как считал Толстой, человека в жизни.

Именно гению Толстого человечество обязано великими пророчествами, многие из которых прочно вошли в гуманистическую психологию и которые сегодня уже не назовешь чудачеством или «слабостью мыслителя». Толстой выделил несколько псевдонаучных принципов

1) *редукционизм* — сущность человека сводится к так называемому «низшему» измерению, органической данности. Для подтверждения своих выводов Толстой использовал статью Н. Г. Чернышевского «Антропологический принцип в философии», которая была выдержана в вульгарно-материалистических тонах: она снимала вопрос о «духовности», так как, по мнению Н. Г. Чернышевского, «существует единство органического мира», философия видит в человеке то, что «видит медицина, физиология, химия», а «психология говорит то же, что физика и химия»; наконец, «физика и медицина находят, что человеческий организм есть очень многосложная химическая комбинация», а мышление — «комбинация ощущений организма» в соответствии «с потребностями данной минуты»;

2) *эволюционизм* — распространение идеи автоматического развития на человека и общество, понимание классовой борьбы как проявления якобы свойственного человечеству закона развития. По мнению Толстого, в педагогике это выражалось в упрощенном понимании процесса воспитания, в стремлении очень быстро воспитать идеального гражданина.

Толстой предостерегал от аналогий между «законом эволюции» и жизнью человека.

Он высмеивал попытки ряда ученых совместить их: «...некоторые натуралисты, испугавшись логических выводов из этого закона и приложения их к человеческой жизни», пытаются «заговорить» этот закон, якобы руководящий жизнью всего органического мира, «а потому и человека». По мнению Толстого, социальные формы жизни только тогда нравственны, когда в них она уже «вложена» религиозным миропониманием. Вера людей во всемогущество социальных и экономических законов напоминает писателю ситуацию с «движущимся полом», на котором можно стоять на месте и не ходить ногами, пол сам приведет туда, куда нужно людям;

3) *рационализм* — познание сводится исключительно к интеллектуальному умственному акту, то есть «воспитывают один разум», не поднявшийся до синтеза всех интеллектуальных, эмоциональных, духовных сил человека;

4) *эмпиризм* — принцип объяснения природы человека как суммы параметров, качеств, потребностей, ощущений.

Западная система образования и педагогика, базировавшаяся на указанных принципах, слепо, «без всякого разумения», по словам Толстого, переносилась на русскую почву, в чем была большая опасность для практики обучения и воспитания: «Но... здравый смысл русского народа не позволит принять эту навязываемую ему ложную и искусственную систему обучения... в великом деле своего умственного развития он не сделает должного шага и не примет того, что дурно...». Увы, понадобились годы и годы, прежде чем были подтверждены практически догадки Толстого о том, что основанные на эмпирических теориях познания методики обучения приводят к крайне низкому общеобразовательному уровню школьников, тормозят личностное развитие.

А что взамен?

Каким же было толстовское понимание природы человека, отрицавшее указанные выше принципы?

Так, редукционизму он противопоставлял учение о человеке духовном, нравствен-

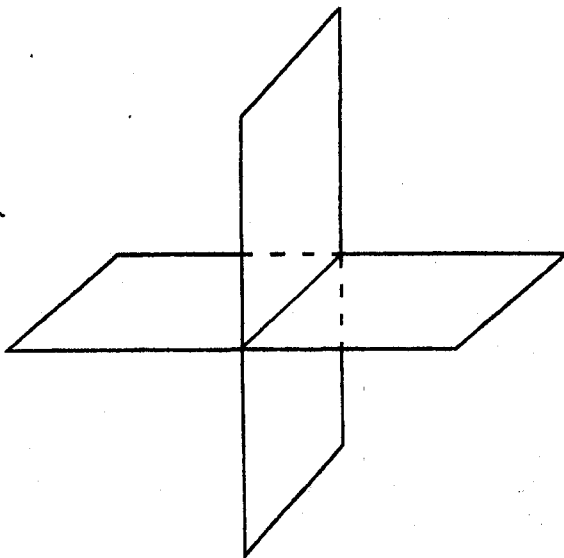
ном, творческом, устремленном к смыслу и истинным ценностям. Такое понимание человека объединяет личность, отношение и поведение. Толстовское учение поэтому и называлось *религиозно-нравственным*.

Религиозное сознание в понимании писателя — это духовное сознание человека, в котором отражается отношение человека к себе, другим людям, Богу: «Всякая религия есть ответ на вопрос: каков смысл моей жизни? И религиозный ответ включает в себя известное нравственное требование».

Если *религия* устанавливает отношение человека к миру, определяющее смысл его жизни, то *нравственность* есть указание и разъяснение той деятельности человека, которая сама собой вытекает из того или другого отношения человека к миру: «Нравственность есть нечто постоянно развивающееся, растущее», «нравственность не может быть отделена от религии».

Человек Толстого един и целостен. И хотя в жизни эта целостность все время нарушается, именно духовность, по мысли писателя, конституирует человека и объясняет его способность к развитию, творчеству. Нельзя отречься от условий, в которых существует человек, но нельзя на них смотреть как на цель всей жизни.

Свое понимание природы человека писатель передал пересекающимся горизонтальной и вертикальной плоскостями:

Горизонтальная плоскость в этой модели означает пространственное и временное существование, «давку обезумевшей толпы у ворот жизни». Смыслом, целью такой жизни становится человек с его разрастающимися потребностями, неудовлетворение которых приводит к страданиям. Вертикальная плоскость, пересекаясь с горизонтальной, выявляет всеобщее, родовое, божественное, бесконечное. Она поднимает к вершине — образу идеальной деятельности, воплощенной в идее Бога. Многообразие жизни обеспечивается различными связями между этими плоскостями, а «встреча» вертикальных и горизонтальных движений происходит в каждый момент жизни.

Важна не продолжительность жизни как таковой, а ее глубина, содержательность. Добрый поступок, усилие добра — это и есть общение с Богом в данный момент жизни.

Пересечение духовной, смысловой вертикали (сверхсознания) и горизонтали отдельных временных сознаний — это момент воплощения нравственных целей, ценностей в деятельность, поступок, обнаруживающий глубинное Я. Именно этот момент жизни настоящий, такая встреча «плоти и духа» выявляет истинное лицо человека. Эта диалектика развития самосознания, утверждал Толстой, лежит в основе развития отдельного человека в целом.

Толстой указывал в связи с этим на то, что Иисус учит не ангелов, а людей, в своих проповедях он призывает людей к осознанию силы божеской, освобождению ее от всего, что задерживает развитие и доведение ее до высшего напряжения. В увеличении этой силы и ее «освобождении» — суть «истинной жизни человека». Это и есть счастье.

Человек в понимании Толстого — это путник, «пловец реки жизни». «Человек текуч, в нем есть все возможности», — говорил писатель. Стремление к росту, развитию, эта подсознательная природная мотивация, — частица Бога в душе человека, слабый росток среди сорных трав, который человек должен сознательно взрастить в себе в процессе самосовершенствования или самоактуализации, выражаясь языком современной гуманистичес-

кой психологии. Для этого процесса важен не результат как таковой, «степень совершенства», а *ускорение* движения к совершенству.

«... Человек, стоящий на низшей ступени, подвигаясь к совершенству, живет нравственнее, лучше, *более исполняет учение*, чем человек, стоящий на гораздо более высокой ступени нравственности, но не подвигающийся к совершенству. В этом-то смысле заблудшая овца дороже отцу заблудившихся. Блудный сын, потерянная и опять найденная монета дороже тех, которые не пропадали. Исполнение учения — в движении от себя к Богу».

Движение от себя к Богу — таким видит Толстой сознание человека, гештальт, если воспользоваться термином современной зарубежной психологии, то есть целостная форма, структура, имеющая два центра тяготения — позитивное Я-личности и духовный центр тяготения, в котором душа — пространство борьбы плоти и духа.

Совершенствование, то есть процесс самоактуализации, по Толстому, не ограничен. Человеку свойственно стремление не просто к совершенствованию, а к бесконечному совершенствованию: «...учение Христа руководит людьми не внешними правилами, а внутренним сознанием достижения божеского совершенства... в душе каждого человека находится не умеренные правила справедливости и филантропии, а идеал полного божеского совершенства».

Толстой прекрасно описал момент развития духовного сознания, используя не только образ Христа, но и образ горячо любимого и рано ушедшего из жизни старшего своего брата Николая — образ, «воспоминание»: «...тем живее, чем согласнее была жизнь моего друга и брата с законом разума, чем больше она проявлялась в любви. Воспоминание это не есть только представление, но воспоминание это есть что-то такое, что действует на меня и действует точно так же, как действовала на меня жизнь моего брата во время его земного существования. Это воспоминание есть та самая его невидимая, невещественная атмосфера, которая окружала его жизнь и действовала на меня и на других при его плотском существовании, точно так же, как она на меня

действует и после его смерти. Это воспоминание требует от меня после его смерти теперь того же самого, что оно требовало от меня при его жизни. Та сила жизни, которая была в моем брате, не только не исчезла, не уменьшилась, но даже не осталась той же, а увеличилась и сильнее, чем прежде, действует на меня... мало того, эта невидимая жизнь моего умершего брата не только действует на меня, но она входит в меня. Его особенное живое Я, его отношение к миру становится моим отношением к миру. Он как бы в установлении отношения к миру поднимает меня на ту ступень, на которую он поднялся, и мне, моему особенному живому Я, становится яснее та следующая ступень, на которую он уже вступил, скрывшись из моих глаз, но увлекая меня за собою. ...Человек умер, но его отношение к миру продолжает действовать на людей. ...растет, как все живое, никогда не прекращаясь и не зная перебивов...».

Духовное развитие, самоактуализацию Толстой объясняет *любовью*. Все аспекты любви в рамках религиозно-нравственного учения — любви к Богу, к самому себе, к ближнему — наполнены творческим содержанием. Любовь-творчество — это способ бытия, жизнетворчество. Любовь помогает человеку преодолевать отчуждение, разобщенность. Любовь к себе, к ближнему — есть любовь к Богу в других, отказавшись от любви, человек перестает быть человеком.

Любовь-творчество — это когда «чувства и стремления одного лица подхватываются другим и осуществляются». В учении Толстого любовь — это проявление добра, инструмент обретения смысла, средство выражения духовной сущности, способ бытия — «истинной» жизни, то есть сама жизнь.

Толстой полемизировал с утверждением церкви, что любовь-жертва есть путь личного спасения, он полагал, что любовь — путь соединения людей, это и выражает смысл развития человечества, «единение духом».

Осознание — духовный рост, «способ соединения своей души с Богом и с душами других людей», — помогает человеку видеть те препятствия, которые блокируют его творческое развитие. К ним Толстой относил «гре-

хи, то есть потворство похотям тела, соблазны, то есть ложные представления о благе, и суеверия, то есть ложные учения, оправдывающие грехи и соблазны».

Грехи наши

Грехи, то есть вредные привычки, и соблазны — аномальные духовные состояния, гордыня (гнев), самоуверенность и презрение, «состояние блудливости» (прелюбодеяние в душе), духовная несвобода, в которой блокируются силы роста и совести, состояние ненависти, согласно Толстому, замыкают человека в непродуктивном поведении и, в конечном счете, обрекают на страдания. Соблазны — как определенные социальные стереотипы мышления — идеологические установки, которые как бы отрывают человека от него самого.

Основным же препятствием, по Толстому, является «ложная вера» или «суеверие государства, церкви, науки», дающие человеку неверные представления о его природе, о добре и зле, о том, что мешает самостоятельности мышления, способности «свободно и радостно» исполнять волю Бога или «быть ведомым», когда человек себя «мучит, душит, старается противиться».

Эта часть размышлений писателя связана с выявлением тех психологических защит, которые описываются в настоящее время в рамках психоанализа и гуманистической психологии. Толстой исследовал также психологические защиты, получившие в словаре гуманистической психологии второй половины XX века названия *десакрализации* и *комплекса Ионы*, отказавшегося идти проповедовать в Ниневею. На нашей русской почве, считает Толстой, этот комплекс приобрел форму отказа от собственного мнения и веры во «власть урядника».

Человеку требуется большая сила воли, чтобы оставаться самим собой, отказаться от таких психологических защит, социальных ролей, фасадов. Выход из этого состояния — принятие новой веры, осознание смысловых аспектов жизни. Однако писатель признавал, что многие и многие люди даже не ставят подобных вопросов.

Что же блокирует непродуктивное поведение человека, делает его психически и физически здоровым? По Толстому, это усилия самоотречения, смирения, правдивости, однако самое главное — *непротивление злу*. В своем дневнике он записал: «Только одно непротивление прекращает зло, помещает его в себе, нейтрализует его, не позволяет пойти дальше, как оно неизбежно идет подобно передаче движения упругими шарами, если только нет той силы, которая поглощает его».

Борьба с грехами, соблазнами, суевериями и победа над ними — в этом и есть смысл, радость человеческой жизни: «...это та земля, которая должна покрывать семена любви для того, чтобы они могли взойти» («Путь жизни»). И еще один образ: «Каждый человек — алмаз, который может очистить и не очистить себя... Стало быть, дело человека не стараться светить, но стараться очищать себя».

В этом процессе «очищения себя» важно движение, напряжение, о чем Толстой написал еще достаточно молодым в письме Александре Андреевне Толстой (1857): «Чтоб жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать... А спокойствие — душевная подлость. От этого-то дурная сторона нашей души и желает спокойствия, не предчувствуя, что достижение его сопряжено с потерей всего, что есть в нас прекрасного, не человеческого, а оттуда».

А.А.Толстая спрашивала Льва Николаевича, как сохранить душевное равновесие, комфорт, как избежать плохого настроения, душевного разлада. Отвечая на ее вопрос, Л.Н.Толстой изобразил овал, — человеческую душу (сознание), разделенный «коридором» на две части; вдоль его стен как бы расположены шкафы с ящиками: на одной стороне ящики с хорошими воспоминаниями, чувствами, мыслями, интересами, на другой — с дурными; каждый ящик, в свою очередь, имеет свои отделения. У одних людей — одни отделения, у других — другие. Можно сделать и так, чтобы весь «коридор» был загроможден однотипными ящиками по обе его стороны, но это ненормально.

Нормальные же движения человеческой души — это когда выдвигаются то одни, то

другие ящики, «но обязательно оставляя проход в коридоре», где всегда должно быть движение, стычки, борьба. «Вечная тревога, труд, борьба, лишения — это необходимые условия, из которых не должен смочь думать выйти хоть на секунду ни один человек», — писал Толстой. Для души необходимо преодоление, а потому нужны и препятствия, нельзя поддаваться искушению душевного застоя — так объяснял он свойственное человеку непрерывное преодоление экзистенциальных противоречий.

Еще одна реформа — толстовская?

В период религиозно-нравственного учения Толстой сделал попытку сформулировать своеобразную программу перестройки школьного образования с включением новых учебных дисциплин. «Религиозное понимание жизни» — оно должно было ответить на вопрос: «Что я такое, какое отношение мое, моей отдельной личности ко всему бесконечному миру?». Такая новая учебная дисциплина, как «Нравственное учение», должна была ответить на другой вопрос: «Как мне сообразно с этим моим отношением к миру жить, что делать и чего не делать». Таким образом, стержнем школьного образования должно было стать учение о смысле жизни, духовности, нравственности, что полностью отражало взгляды Толстого на человека как на существо духовное, творческое, нравственное.

Толстой сравнивал содержание школьного образования с окружностью, диаметры и радиусы которой определяли место учебных дисциплин. Так, горизонтальный диаметр двумя своими радиусами представлял «Религиозное воспитание смысла жизни» и «Деятельность жизни, главное руководство ее» (нравственное учение). Перпендикулярно на другом диаметре на верхнем радиусе представлены «естественные знания», на нижнем — «философия». На третьем диаметре — «общественная жизнь» и «история, география, этнография, жизнь народов». На четвертом диаметре — «словесность, искусство» и «математика». Окружность с равными радиусами — модель одинаковой глубины и продолжительности изучения всех школьных дисциплин.

Новые учебные дисциплины призваны были дать то основное, без чего невозможна полноценная творческая жизнь человека, — учение о смысле жизни как жизни духовной, нравственной. В этом Толстой видел исправление абсурдного положения в образовании, когда «люди, считающие себя образованными, не знают того, что прежде всего нужно знать всякому человеку: «В чем смысл человеческой жизни, чем она должна быть руководима и что думали об этом вопросе и как решали его мудрейшие люди всех времен и всего мира?». Следует заметить, что содержание и методику проведения уроков «закона Божьего», который якобы и выполнял данную задачу, Толстой оценивал как догматические.

Он считал, что без этической, смысловой основы содержание образования превращается в «...нагромождение пустых, случайных, ненужных знаний, называемых наукой, которые не только не полезны, но приносят величайший вред людям, скрывая от них необходимость одних нужных человеку знаний». А рационалистическая идея о всесильности разума при отсутствии нравственности привела к тому, что «...количество предметов знания бесконечно, и так же бесконечно то совершенство, до которого может быть доведено каждое знание».

Толстой придавал большое значение тому, чтобы дети во время совместного написания маленьких сочинений развивали свои творческие способности, воображение, свободно выражали разные чувства и эмоции, так как при этом они как бы осознавали свой опыт. Такое обучение не тормозило личностное развитие. Этот эксперимент Толстого, которым до сих пор восхищаются педагоги всего мира, привел его к созданию «Азбуки» (1874), а затем и «Новой азбуки» (1875).

«Азбука» и «Новая азбука»

В этих учебниках большое место занимали материалы для чтения, способствовавшие самооценке детей, рождавшие у них теплое чувство к страдающим растениям и животным. Тот, кто читал эти маленькие шедевры Толстого в детстве, запомнил их навсегда. Толстого беспокоили перекосы в воспитании:

«наше воспитание людей похоже на выведение таких плодов (яблок и тому подобных), в которых почти бы была одна оболочка (вкусная) семени. Чтобы, семени, если можно, совсем бы не было. Воспитывать людей так, чтобы души было как можно меньше, а было бы одно тело».

О вредных последствиях эмпиризма в воспитании, приводивших к игнорированию смысловых, духовных пластов бытия личности, Толстой предостерегал своих современников на страницах журнала «Ясная Поляна». Уже в 60-х годах XIX века Толстой отмечал, что эмпиризм и авторитаризм в воспитании чреваты личностными деформациями, несамостоятельностью мышления, чему также способствует и преподавание «Закона Божьего». В этом проявляется «извращение в духовном мире человека», когда он сам не знает, как отличить добро от зла, ложь от истины, ребенку внушаются несовместимые с его разумом и знаниями догматы церковного учения. Вспоминая, видимо, свой путь духовного взросления, Толстой писал о том, что, когда эти положения «... неизгладимо запечатлеваются в восприимчивом уме ребенка», он остается один на один с собой и не может разобраться в возникающих противоречиях.

Если уже повзрослевший человек освобождается от «гипноза», в котором его воспитали, то «извращение его души» не проходит бесследно. Освободившись от ложной церковной веры, этот человек усвоит учение о препятствии всякой религии движению человечества «по путям прогресса», он станет скорее всего «беспринципным, то есть бессовестным человеком, руководствующимся в жизни только своими похотями и не только не осуждающим себя за это, но считающим себя поэтому на высшей, доступной человеку, точке духовного развития». Это Толстой относил к людям с сильной волей. Большинство же людей становится покорным орудием власти.

Отрицание авторитарного воспитания и его целой системы качеств, черт характера —

в соответствии с этической нормой данного общества — было связано у Толстого с отрицанием стремления педагогов создать некий эталон «наилучшего человека»: «...люди, во-первых, не знают, какими должны быть люди, — могут в лучшем случае знать только идеал, к которому им свойственно стремиться; во-вторых, люди, воспитывающие сами, никогда не готовы, не воспитаны, а сами, если они не мертвы, движутся и воспитываются».

Будучи по духу экспериментатором, Толстой предпринял чрезвычайно смелую попытку, по его словам, «преподавать нравственность» мальчикам 8-10 лет в своем доме в Ясной Поляне в 1906-1907 годах. Именно для этих занятий он написал «Беседы с детьми по нравственным вопросам», «Учение Христа, изложенное для детей».

В неотправленном письме сыну Михаилу Толстой писал о том, что наиболее трудно той части молодежи, у которой нет никаких идеалов, цели и смысла жизни. Христианство открывает смысл жизни: «Смысл этот в том, что жизнь наша не имеет цели самой в себе, цели, которая может удовлетворить нас; цель вне нас... чтобы узнать, для чего она предназначена, нам дан разум, свойство, соединяющее нас всех, свойство, дающее возможность воспринимать все то, что открыто разумом тысячи лет тому назад несуществующими людьми, и передавать то, что разум откроет нам, людям, которые будут жить тысячи и миллионы лет после нас. Следование тому, что открыто разумом, и составляет смысл жизни. И следование это составляет высшее благо, доступное человеку».

Педагогическая деятельность Толстого стала своеобразным экспериментом, в ходе которого он призывал научить детей творчески мыслить, способствовать их нравственному развитию, чтобы «спасти тонущих» будущих Пушкиных, Остроградских, Филаретов, Ломоносовых, которых множество в школе.

Каждому человеку он оставил объяснение его «божественной» сущности.